

МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫЙ МИР В «АВАНТЮРАХ МОЕЙ ЖИЗНИ» САЛОМЕИ ПИЛЬШТЫНОВОЙ-РУСЕЦКОЙ

Бурделева И. А.,

*Минский государственный лингвистический университет,
кандидат филологических наук, доцент*

Книга мемуаров «Авантюры моей жизни» писалась в Стамбуле в 1760 году в первую очередь как исповедь и самооправдание её автора, Саломеи Регины Пильштыновой из дома Русецких, перед близкими людьми. В обращении к читателю она отмечает, что «с Польшей навсегда распрощалась и здесь, в Турции, жить решила», но дабы избежать возможных упрёков желает объясниться, почему оставила Родину и «сама одна в чужой край без всякой помощи и утешений отправилась» [1, с. 19]. Но не только названными побуждениями руководствовалась Саломея. Её жизнь настолько событийна, насыщена приключениями и неожиданными поворотами судьбы, что мемуары во многом напоминают авантурный роман. Об этом свидетельствуют и весьма симптоматичные названия подразделов книги: «Первое путешествие в Стамбул», «Моя вторая авантюра в Стамбуле», «Путешествие и приключения в Рушчуке», «Авантюра в дороге при ночлеге» и тому подобное. Безусловно, пережитые впечатления и богатый жизненный опыт требовали фиксации и более глубокого осмысления. Вместе с тем «Авантюры...» — исповедь-провокация, так как Саломею важно не только получить сочувствие и понимание, но и вызвать читательский интерес и удивление. Много в мемуарах строится на парадоксах, контрастах, на разрушении общепринятых норм и стереотипов.

Необходимо отметить, что Саломея называет себя полькой и употребляет слово Польша в качестве политонима, обозначая свою гражданскую принадлежность Речи Посполитой, куда составной частью входило Великое княжество Литовское. Сама же она родом с белорусских земель. Вот как начинается она свои воспоминания: «В молодом веке выдали меня мои родители (Ефим Русецкий) замуж с Литвы, воеводства новогрудского, за лекаря Якуба Гальпира, с которым я в этом же году поехала в Стамбул, и сразу мы были приняты у достойных людей, потому что он был очень хороший доктор...»^{*}. Там молодая сообразительная женщина быстро переняла лекарское мастерство у мужа, пленный врач-мальтиец научил её писать на латыни рецепты и подарил несколько медицинских справочников. Растущий опыт, чувство интуиции, смелость и везение способствовали тому, что Саломея становится достаточно востребована в Стамбуле как доктор и окулистка. Ей приходилось лечить

^{*} Пільштынова, С. Авантуры майго жыцця / С. Пільштынова; пер. з польск. мовы М. Хаўстовіча; прадм. А. Мальдзіса. / Саламея Пільштынова. — Мінск: Маст. літ., 1993. — С. 20. — Далее текст цитируется по этому изданию с указанием в круглых скобках соответствующей страницы.

весьма именитых турок, увеличивая свой авторитет и получая большие деньги, что вызывало зависть конкурентов. Оставшись вдовой с маленькой дочкой на руках, она ведёт независимый образ жизни и вполне успешно зарабатывает врачебной практикой.

Деятельный и энергичный характер Саломеи не позволял ей задерживаться на одном месте. Достижение стабильности и материального благополучия были для неё сигналом для начала нового путешествия и перемены места жительства. В результате её мемуары графически определены, насыщены многочисленными топонимами, которые позволяют очертить витиеватую траекторию переездов Саломеи: Стамбул, Хотин, София, Бухарест, Рушчук, Ясы...

Когда под Азовом в русский плен попали её знакомые турки из Рушчука, она решает отправиться в Петербург, чтобы выволить их из плена. На некоторое время Саломея останавливается на родине в Несвиже, будучи принята на службу к князю Михалу Радзивиллу по прозвищу Рыбонька, а оттуда через Ригу и Нарву добирается до Петербурга. После аудиенции у российской императрицы Анны Иоанновны она становится придворным лекарем. Завоевав симпатию и уважение, выпрашивает у Анны Иоанновны четырёх высокопоставленных турецких пленных и возвращается в Литву. Оттуда она едет в новое далёкое путешествие в Пруссию и Австрию, которое длилось несколько лет. Возвратившись в Речь Посполитую, она также ведёт кочевой образ жизни, несколько раз приезжает в Турцию, в Стамбул, и, наконец, решает остаться здесь навсегда. Много раз этой смелой и отчаянной особе приходилось доказывать, что у неё «не заячье сердце», и утверждать, что «хоть я и безродная дворянка, но буду своего добиваться» (с. 289). Ускользая от разных неприятностей, ей иногда приходилось переодеваться в мужскую одежду, а в путешествиях у неё наготове имелась пара заряженных пистолетов. Саломея повсюду лечила людей, себя же называла «доктором медицины и окулисткой». Богатый врачебный опыт она описала в лекарской книге, которую также собиралась издать на собственные средства. Мемуары Саломея Пильштынова заканчивает в Стамбуле, перед путешествием в Иерусалим. Вернулась ли она из паломничества в Святую Землю — нам неизвестно.

Возможно, в далёкие поездки её гнала неустроенность в семейной жизни. Второй раз она вышла замуж за австрийского офицера Юзефа Пильштына, которого выкупила из турецкого плена. Брак был неудачным во всех отношениях. Муж однажды попытался отравить Саломею, и она чудом осталась жива. Окончательно порвав с ним, через некоторое время она принимает ухаживания нового кавалера, который так же ответил ей чёрной неблагодарностью. С детьми у неё не установились сердечные отношения — слишком часто Саломея была в дороге, оставляя их в чужое попечение. Под конец жизни у неё остаётся чувство обиды на близких людей и разочарование. Читателю мемуаров она обещает «показать пути моей жизни и страданий. Несправедливость, оскорбления от мужей, детей и близких, и слуг моих — они изгнали меня с моей Отчизны» (с. 19).

Саломея предстаёт перед читателем как искусный доктор, неутомимая путешественница, но после написания мемуаров её с полным правом можно назвать и писательницей. В книге Пильштынова воскрешает не только свои жизненные приключения, но благодаря наблюдательности, любознательности и безусловному писательскому таланту, живо и красочно описывает быт и нравы разных стран, где ей приходилось бывать. Много путешествуя, она познакомилась с различными странами христианской Европы и соприкоснулась с мусульманской культурной цивилизацией. Пильштынова экстравертна по своему характеру: она с интересом смотрит, наблюдает, фиксирует наиболее характерные или наоборот, нестандартные эпизоды жизни. Приехав в Ригу, по дороге в русскую столицу, она пишет: «Очень понравился мне этот пышный город, и я сразу же решила пожить в Риге несколько недель, чтобы познакомиться с этим красивым городом и его людьми» (с. 96).

Поле повествования мемуаров значительно расширено за счёт вставных новелл и многочисленных рассказов Саломеи об удивительных событиях и человеческих судьбах. Все эти сюжетные отступления от биографической линии автора, придающие произведению объёмность и стереоскопичность, призваны удивить, увлечь читателя и одновременно имеют поучительный характер. Барочное мироощущение Пильштыновой обращает её внимание на всё необычное и парадоксальное.

Особенно много самостоятельных вставных новелл, касающихся различных сторон российской жизни. Это неудивительно, так как Пильштынова была тепло принята в Петербургском дворце и пользовалась доверием российской императрицы, которая называла её «свет мой, госпожа докторша, Саломонида Ефимовна» или «мой дружок». В Петербурге Саломея прожила около 2 лет и имела множество знакомств: «Было у меня очень много достойных пациентов обоего пола как с императорского двора, так и с города, и с других мест, которые хотели лечиться у меня» (с. 109). Это дало ей возможность сложить достаточно полное представление о различных сторонах жизни российской столицы, быть в курсе придворных сплетен и занимательных историй.

Петербург понравился Пильштыной. Она отмечает строгую красоту и регулярность архитектуры столицы, основанной Петром I: «Петербург такой красивый, такой величественный построил над Невой, что лучше и красивее, чем Стамбул и Вена в Австрии, потому что Стамбул хоть и большой и безгранично роскошный, но старый город: тут дворец за тысячу кес, а тут кузница, где коней куют... И Вена, где император христианский имеет резиденцию, то же самое: тут шикарный монастырь, а здесь халупа какого-нибудь мясника или бакалавра...» (с. 147). Саломея увлечённо рассказывает о преобразованиях российской жизни Петром I. «Этот царь, Пётр Алексеевич, за свою жизнь край свой очень хорошо и похвально сформировал» (с. 146). Она восхищается приятными и приветливыми жителями Петербурга, порядком и чистотой на улицах, низкими ценами, новыми мануфактурами: «Я сама покупала бархат, градетур, золотые галуны,

золотые колокольчики с петербургской фабрики; и там, где было болото, трясина, там теперь мосты каменные и деревянные, песком выровненные, на каждой миле пять столбов с надписью по-русски, по-немецки и по латыни, куда ехать и как далеко» (с. 146).

Пильштынова имела время познакомиться с недавней российской историей. Как самостоятельные подразделы в книге представлены «Авантюра Мазепы», «Авантюра Кириллы Разумовского», «Авантюра князей Долгоруких», различные эпизоды жизни и правления Петра I, Анны Иоанновны и Лизаветы Петровны. Пильштынову не интересуется политическая подоплёка дворцовых переворотов. Ей интересны человеческие судьбы монархов, любовные отношения, роль верных слуг и приближённых. Эти истории не только увлекательные, но и дидактично-поучительные, восхваляющие различные добродетели, самоотверженность, преданность, искреннюю набожность. Исторические события в них поданы с большой долей субъективной интерпретации мемуаристки, дополнены её домыслами и фантазией. В канву повествования Пильштынова вводит множество конкретных бытовых подробностей и деталей, описания всевозможных убранств и предметов обихода. В правдоподобности описываемых событий должны убедить реплики и диалоги персонажей. Но на самом деле такой творческий подход мемуаристки направлен на усиление момента занимательности. В духе своего времени она часто гиперболизирует увиденное и услышанное. Ей важно увлечь читателя, оглушить его большим количеством информации, поразить калейдоскопом невероятных событий.

В рассказах Саломеи реальное переплетено с мистическим и фантастическим, которые рассматриваются как проявление Божьей воли. Так, она пишет про различные чудеса, интересуется историей основания православных храмов, например, Андреевской церкви в Киеве, церкви и монастыря святого Антония в Петербурге. Свои рассказы о монахах Киево-Печерской Лавры она предвосхищает показательными фразами: «Что знаю достоверно, то и пишу про печерских святых. Слышала, но не видела следующее» (с. 171). Или: «А это слышала и видела: одного святого по пояс закопанного в землю» (с. 175). В мемуарах Пильштыновой нашло отражение общее мироощущение теоцентрической эпохи с её пристальным вниманием к вопросам веры, церковной жизни, Божьего Провидения и чуд.а.

Несмотря на увлечение Пильштыновой необычным и уникальным, её описания бытовой культуры, традиций, свободно интерпретированных исторических событий весьма важны для понимания особенностей историко-культурного развития стран, формирования облика парадоксальной эпохи. Как известно, исключения подтверждают правило, и даже в описаниях Саломеи удивительного и невероятного можно увидеть наиболее характерное для каждой страны и для каждой культуры.

Пришлось как-то Саломее защищать репутацию Турции при российской императрице. Во дворце появилась пожилая женщина, которая прожила в Турции 40 лет невольницей и потом была выкуплена русским послом. Она утверждала, что её турки истязали и жгли калёным железом.

Хитроумная Саломея попросила показать следы от ожогов, которых на самом деле не оказалось. Логично и разумно она замечает, «что попала в Турцию в 14 лет, но ни один турок у меня ничего не взял, не бил, не ругал, потому что я всегда остерегалась плохой компании. Притом, если турок купит коня или корову, он их кормит, смотрит, а за невольницу надо отдать несколько сот левов и жечь ей ноги, калечить? Этого никогда быть не могло» (с. 133). Турки, которые находились в неволе в Петербурге, были Саломее весьма признательны за то, что она не позволила «беспочвенно порочить их честь» (с. 133). В конце-концов императрица, которая проявляла симпатию к Пильштыновой, вернула ей четырёх турецких военнопленных из Рушчука, с которыми Саломея отправилась в обратный путь.

Вскоре свои «русские» впечатления ей пришлось сравнивать с прусскими и австрийскими. Хотя сама Пильштынова достаточно деловита, ей явно не импонирует крайний прагматизм и индивидуализм жителей этих стран. «О, здесь не так, как в Москве», — пишет Пильштынова, — «Никто меня на обеды не приглашает. Немцы не имеют такой привычки, как поляки и москали...» (с. 188). Её неприятно поражает скупость и расчетливость, с которыми приходилось сталкиваться на каждом шагу. «Никому ничего без денег не дадут» — сетует она. Ей не удалось получить компенсацию за выкуп своего мужа у его родственников. Хотя те ее мило приняли, но отметили, что крайне недовольны упрямством сына и тем, что против родительской воли подался в военные и в результате попал в плен. Ничего кроме обещаний не получила она и на аудиенции у императора Карла VI. Много раз пришлось бывать в покоях императрицы и просить помощи, но и та ничего ей не дала, кроме пяти червонцев.

Из критического положения и нищеты Саломею выручил приезд турецкого посла Джани Али-бей эфенди, к которому она явилась предлагать свои услуги как доктор. Он с охотой принял её на службу, учитывая её знания языка и турецких обычаев. «Начала я лечить посольских людей и от каждого пациента имела отдельный подарок или деньги» (с. 191). Её популярность росла, и постепенно весь австрийский двор начинает у неё лечиться. Пильштынова прожила в Австрии около 2 лет, приблизительно столько, сколько и в Петербурге, но её впечатления об этой стране немногочисленны и достаточно сдержаны. Хотя и там она завела знакомства, и там также во дворце имели место необычные события, но, видимо, не совсем по душе ей пришёлся австрийский образ жизни.

Рядом с удивительным и исключительным, чудесным и мистическим, что нашло отражение, главным образом, во вставных рассказах и новеллах Пильштыновой, присутствуют реальные эпизоды жизни самой Саломеи. Они не менее иллюстративно передают колорит времени и отражают историко-культурные особенности разных стран. Частое нахождение вдали от Родины позволяет Саломее оценить свою страну в контексте своих богатых впечатлений. И здесь встречаются Саломее благородные и благодарные люди, но множество вполне реалистичных историй из её жизни свидетельствуют об анархии и полной незащищенности человека в Речи

Посполитой. Несколько раз на страницах своих воспоминаний она с горечью восклицает: «Я в Польше всегда тратила то, что в чужих краях зарабатывала». Именно на родине судьба бросала её из крайности в крайность, от богатства и благополучия в бедность и болезни. Множество разочарований её пришлось пережить на родной земле от мужей и детей, от жадных до чужого богатства вельмож. «И вот я осталась в своём сиротстве без помощи, без гроша, так мне помогла моя Отчизна, золотая вольность польская, что не имею за что и поест. Только теперь поняла я людскую дружбу, потому как те, кто у меня гостил и был приятелем, часто смеялись надо мной в моём несчастье. Только на одного Бога имела надежду» (с. 229).

Книга мемуаров Саломеи Пильштыновой уникальна переплетением в ней христианской и мусульманской культур. Неподдельный интерес вызывают у неё разнообразные аспекты жизни Турции и в принципе мусульманского Востока. Именно в разделах, посвященных пребыванию Саломеи в Турции, присутствует наибольшее количество вставных повествований. Её самостоятельная жизнь началась в Турции и сюда же, после многих испытаний, Пильштынова решает вернуться навсегда. Она становится доктором в гареме султана Мустафы, пользуется всеобщим уважением и почётом.

Саломея отображает и комментирует различные явления стамбульской жизни в соответствии с барочным мировосприятием и поэтикой. Стамбул для неё притягателен контрастностью, пышностью, невероятной роскошью, а главное, интересен своей экзотичностью, отличием от европейских норм и канонов. Пользуясь современными понятиями можно сказать, что Саломея через описание различных аспектов мусульманской цивилизации показывает своим читателям Другого, но этот Другой для неё интересен, любопытен, целиком приемлем, и о нем хочется рассказать потенциальным читателям. Саломея открыта миру, готова воспринимать его во всем разнообразии. Вот, например, она описывает торжества в Стамбуле по поводу рождения первой дочери султана Эметулы. Весь город был фантастически украшен и до того наводнён празднующим народом, что невозможно было проехать в повозке. Любопытная Саломея купила себе породистого коня, збрую, седло, платье-амазонку и «на коне ехала там, где мне нравилось, посмотреть на обычаи, иллюминации, музыкантов, разнообразные танцы и гулянья» (с. 271).

Стамбул в её восприятии привлекателен смешением разных народов и обычаев. Описывая наиболее удобную дорогу паломников в Святую Землю, она советует обязательно остаться в этом городе и познакомиться с ним: «Приехав в Стамбул, много чего здесь можешь посмотреть. Веселье, люди разных наций, послы, есть и семь наших католических костелов» (с. 332). Главное, не надо опасаться дороги и дальних путешествий. «Я каждому советую и от сердца желаю, чтобы турок не боялись и таких отговорок не имели, что опасная дорога, это только байки. Я в Польше была и слышала, что гайдамаки и другие лихие люди нападают и грабят, но кого господь Бог хочет защитить — и волос с его головы не упадёт» (с. 332).

Огромное значение в описании стамбульской жизни уделяется внешним, материально-конкретным проявлениям мусульманской культуры. Эти описания отличаются необыкновенной красочностью, цветистостью, гиперболизацией, подробной детализацией и чисто восточной орнаментальностью. В принципе, совокупные проявления материальной культуры следует рассматривать как проекцию на реальную жизнь философско-этической системы определённого народа или целой культурной цивилизации.

Она рассказывает об обычаях и традициях в султанской семье, несметных богатствах Эски Сарая (Старого Дворца), передаёт различные истории, которые имели место при дворе султана Мустафы. Ей пришлось лечить сестру султана, Аишу, и вот что она пишет о её дворце: «Много видела я богатства и во дворцах красивые покои в императорской Вене, когда была там два года, или в Петербурге у ее светлости царицы также года два, но богатство султанши Аиши, сестры султана, в Стамбуле на Тейраке превосходило всё остальное» (с. 280). Она с восхищением рассказывает о свадьбе дочери Аиши, эфенди Ханум, по-настоящему упиваясь описанием конкретных подробностей и нюансов. Дворец, куда прибыли молодожёны, в описаниях Пильштыновой по неимоверности богатства напоминает пещеру Аладдина. Это подробно перечисленные украшения, золото, бриллианты, жемчуга и прочие драгоценности, богатые ткани, которыми драпировались покои молодых. Ко всему добавляется множество фруктов, цветов, сладкоголосых певчих птиц. «Боже мой, — замечает Пильштынова, — здесь человек думает: это земной рай» (с. 282).

«Турецкие» страницы мемуаров самые информативные. Религиозные традиции, пост, свадебные церемонии, поминки, еда, турецкое письмо, которое Саломея называет «тяжелейшем на свете, потому что каждую букву надо двадцать пять раз по-разному уметь писать» — всё в той или иной степени нашло отражение на страницах книги. Она пересказывает множество услышанных историй: о путешествиях в Мекку, про чудеса в Иерусалимском храме и святой Ай-Софии, про нравы и обычаи соседних народов. Все эти повествования сочетают в себе повседневное и мистично-ирреальное, но главное, интересное и увлекательное.

При всей религиозности и преданности христианству Саломея толерантна. Путешествуя по России и Западной Европе, она молится в христианских храмах разных конфессий, восхищается чудесами православной Киевской Лавры, интересуется различными религиозными традициями. Она также пишет о том, что «добрым людям на потеху рассказывала некоторые истории, которые сама видела или определённо слышала про них, так хочу описать здесь и турецкую религию... так, как мне с Корана читали» (с. 298). Пильштынова пересказывает мусульманские легенды с достаточной долей интерпретации, сохраняя их основной смысл, но при этом насыщая их реалистическими подробностями, совмещая сакральное и бытовое. Её как обычно мало интересует точность и достоверность. Главное — удивить невероятными и фантастическими

сюжетами и вместе с тем познакомить своих читателей с необычной для них культурой. Саломея подчёркивает неизменность своей религиозной позиции, но при этом выступает своеобразным популяризатором исламской культуры. Она отмечает связь христианских легенд с Кораном, полемизирует с некоторыми старозаветными историями из Торы. Будучи преданной католичкой, она далека от ортодоксальности, что позволило ей интересоваться и пересказывать не только сюжеты из священных книг разных религий, но и христианские апокрифические легенды: «Читал мне один армянский католический ксёндз из Иерусалима всю историю про рождение Христа. Это более подробная история, чем рассказывается у нас потому, что эта книжка в Иерусалиме ещё и арабским и еврейским языками написана, не напечатана, но набожные люди её по-гречески и по-армянски переписали» (с. 323). Вот такое невероятное смешение языков и культур, которое отразилось буквально в одной фразе Пильштыновой, пожалуй, возможно было найти только в Стамбуле, где напластовались и переплелись различные культурные цивилизации.

Благодаря обширной географии путешествий Саломеи Пильштыновой-Русецкой, в «Авантюрах...» воссоздано широкое культурное пространство, в котором она рассматривает традиционную культуру, быт и нравы разных народов. Эта книга удивляет своей калейдоскопичностью, многообразием и многоголосием отражённого в ней окружающего мира.

Литература

1. Пільштынова, С. Авантуры майго жыцця / С. Пільштынова; пер. з польск. мовы М. Хаўстовіча; прадм. А. Мальдзіса. / Саламея Пільштынова. — Мінск: Маст. літ., 1993. — 381 с. Далее текст цитируется по этому изданию с указанием в круглых скобках соответствующей страницы.